

Юрий
Ряшенцев

Юрий
Ряшенцев

В кружащей
ЛОДКЕ

Москва
2019

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Р99

Разработка серии и дизайн переплета А. Сауков
Иллюстрация на обложке Ф. Барбышева

Ряшенцев, Юрий Евгеньевич.
Р99 В кружащей лодке / Юрий Ряшенцев. — Москва :
Эксмо, 2019. — 224 с. — (Поэзия подарочная).

ISBN 978-5-04-100508-5

Книга Юрия Ряшенцева, включающая новые стихотворения последних трех лет, — отражение событий жизни целого поколения, тонкая лирика много пережившей души.

Постоянно экспериментируя с ритмом, рифмой и строфикой, виртуозно владея техникой стихосложения, поэт остается сторонником классического стиха.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-100508-5

© Ряшенцев Ю.Е., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

Галине Полиди

* * *

Мир, куда я пришел, назывался в те дни
Ленинградом.
Это место, где Зимний дворец обогрет Летним
садом.

Знаменитейший град — колыбель революции,
светоч эпохи.
А еще — жуткий ветер с Невы, рвущий легкие
при каждом вздохе.

Как жилось в этом рае сыром, в той столице,
крестьянской и барской?
Так и сяк. Роскошь невских хором, коммуналка
на утлой Пушкарской.

Но всегда, надо всем, на века — надо мной,
над толпой, над народом —
обещавшие кровь облака — до заката и перед
восходом.

* * *

Это только лишь преамбула, введение —
мишки, мячики, пижамная фланель.
Но вот что вам подарили при рождении?
Мне — винчестер и отрез на шинель.
После детские нестрашные хворобы.
Но ясней во тьму ушедших милых лиц
эти кубики и шпалы, эти ромбы —
в голубых и алых выпушках петлиц.
Я вдыхал тогда с восторгом (вот к добру ли?)
пусть недолго, лет так до шести-семи,
дивный запах ременной военной сбруи
на исчезнувших потом друзьях семьи.
Круг нормальных детских тем был невелик, но
новостей повсюду было — через край.

Раньше многих русских важных слов возникло
желтозубое словечко «самурай».

Уж не помню, в зимний день, а может,
в летний,

я сложил, семью ввергая в легкий шок,
тот свой первый и, боюсь, последний,
тот «патриотический» стишок:

«Над сопкой Заозерной
взвился наш красный флаг.
Под сопкой Заозерной
лежал разбитый враг».

Памяти сестры Тани

Когда-нибудь потом, когда — и сам не знаю,
я пролечу в тот день над Охтинским мостом,
чтоб видеть, как июнь, смеясь, подходит к маю.

Но это не сейчас — когда-нибудь потом.

Тогда я, появясь из старых стен вокзала
на схлест забытых стога, подумаю с тоской,
что тот — за рубежом, ну, а того — не стало,
а этот, хоть здоров, какой-то не такой...

Пока же у перил над серой невской бездной,
как через восемь лет в уральском ковыле,
порхает махаон, и это интересней
всего, что в этот миг творится на земле.

А на земле, меж тем, увидеть можно много:
и ночь светлее дня, и Летний сад в цвету,

и как моя сестра, красавица от Бога,
лениво ни во что не ставит красоту,
а говорит стихи про черный снег и ветер,
про революционный шаг разбуженных братков.
И Зимний там, вдали, красив, но безответен,
молчит, как он молчал в течение двух веков.

А дальнего моста чугунная громада
связала берега. Мост дивен и чумаз.
Но махаон летит, и ветер Ленинграда
не хочет унести его от детских глаз.

Москва

Много неба.
Жалкий домик у Толстого Льва.
В палисадниках — гармоники.
Кепка — набекрень.
Москва.
Хамовники.

То — Сахара.
То — дожди и грязь.
И — петух.
И — Кремль недалеко.
И еще жива литая коновязь.
Рынок...
Ах, как пахнет молоко!..

Еще лошадки дремлют у телег.
Их позабыл у рынка прошлый век,
пока в рядах торгуется
с колхозом.

Былое,
ты как будто под наркозом,
ты не заметишь своего конца...

Лимонница,
с навеса над прилавком
лети отсель,
пока цела пыльца.

Животный мир Хамовников

Фауна старых Хамовников разнообразна:
кошки — от царственных львиц до подвальных
блудниц,
кошки, посланницы дьявола, феи соблазна;
псы — и почаше дворняжек — улыбчивый
шпиц,
изредка — таксы, совсем уже изредка — лайки.
Птичий же мир был прекрасен: немного грачей,
галки, вороны и ближе к Москва-реке чайки,
голуби — это высокая страсть москвичей.
Ну, и конечно, воробушки. Их почему-то
часть населения жидами звала. И — ха-ха! —
мне, ленинградцу, свидетельством сельского утра
долгое время был алый вопеж петуха.

В нашем дворе, помню, подлинным был гегемоном
клан омерзительных крыс. Он имел свой кураж.
Он, как сочли бы мы нынче, был серым омоном
для ребятни, для ее малодушных мамаш.
О, это странное, знайте, животное — крыса!
Как оно тянется к нам на краю бытия.
Сколько почти человеческих чувств в ней сокрыто.
Вы удивились бы, крыс изучая, как я.
Впрочем, тогда я об этом, конечно, не думал.
Другу совал я кирпич и лелеял расчет:
я, мол, вот эту, а ты, криворукий, вон ту, мол!..
Грезил ристалищем с тем, кто грозит и грызет.

Подмосковная дача

День лучист. Ночь кромешна.
За плетнями иных деревень
созревает черешня.
Нам по вкусу ревень.

Командирская дача.
Вдрызг растоптанный быт.
Сам не ходит рыбачить,
Потому что — сидит.

Это нас не лишает
детских радостей. Ну,
и играть не мешает
ни в футбол, ни в войну.